

А.А. БЫКОВ

РАЗВИТИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ В РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

***Аннотация.** Данная статья посвящена анализу формирования системы государственного призрения в России в XVIII веке. Рассмотрены изменения, прежде всего, в области управления призрением. Опираясь на царские указы, как нормативные акты, автор отслеживает динамику трансформаций в системе органов управления, начиная с Патриаршего и Аптекарского приказов. Создание Приказов Общественного призрения при Екатерине II, издание Городового Положения, по мнению автора, свидетельствуют об усилении этатистских тенденций в сфере управления общественным призрением.*

***Ключевые слова:** призрение, благотворительность, этатизм, управление, приказы общественного призрения.*

DEVELOPMENT OF CHARITY AND STATE APPEARANCE IN RUSSIA IN THE XVIII CENTURY

***Abstract.** This article is devoted to analysis of the formation of the state charity in Russia in the 18th century. Changes are considered, first of all, in the field of charity management. Relying on royal decrees as normative acts, the author tracks the dynamics of transformations in the system of governing bodies, starting with the Patriarchal and Pharmaceutical Orders. The author states that the creation of Orders of Public Charity under Catherine II and the publication of the City Regulations strengthen etatistical tendencies in the management of public charity.*

***Keywords:** charity, welfare, etatism, management, orders of public charity.*

Закончился «бунташный» XVII век, наступил новый XVIII, радикально отличающийся от века предыдущего в политическом, социально-экономическом и социокультурном измерениях. Это было время возвращения России в лоно европейской цивилизации в западной ее ипостаси, однако не во всех смыслах и сферах. Петровские реформы коснулись, прежде всего, элиты и различных групп, по степени материального благополучия, дворян-

---

БЫКОВ Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии философского факультета Национального Исследовательского Томского государственного университета, г. Томск

ства. Огромные массы населения не были «европеизированы», да и не могли. Россия изначально была Европой, но другой.

По мнению Г. Дерлугьяна, «Россия по своим цивилизационным основам, зафиксированным в христианстве (которое под определенным углом зрения выступает культурно-историческим кодом), несомненно, принадлежит европейской традиции и во многом сущностно противостоит Востоку. Однако Россия не принадлежит целиком и западноевропейскому цивилизационному очагу, из которого родился капитализм. Если хотите, Россия — это еще одна Европа, близкородственная, но не тождественная западно-римской традиции» [1].

Созвучны и идеи русского философа В.В. Вейдле, который считал русскую культуру восточно-европейской, «но она родилась и развилась в Европе, а не в Азии» [2]. Далее Вейдле использует интересный аргумент в подтверждении своего тезиса: «Древняя Русь, уже в силу византийского воспитания своего, была Европой, т.е. обладала основными предпосылками европейского культурного развития; однако резкая обособленность ее, особенно в Московский период, могла привести под конец к полному отъединению европейского Востока от Запада. Россия могла выпасть из Европы. Этого не случилось даже и за пять веков от татарского нашествия до Петра» [2]. Поэтому можно утверждать, что Петру I досталась вовсе не дикая азиатская страна, совершенно не способная к восприятию и использованию достижений западноевропейской цивилизации. Тем более, иностранцы на Руси появились давно, можно вспомнить итальянских строителей Кремля, шведских, немецких и других наемников в русской армии, врачей, ту же немецкую слободу, где любил бывать юный Петр. Еще при Алексее Михайловиче в России сформировались государственные мужи, управленцы своего времени, которые уже давно посматривали в сторону западных стран, понимая практическую пользу от контактов с ними. Это и князь В. Голицын, А. Ордин-Нащокин, А. Матвеев, да и сам царь не был чужд западному влиянию.

Петр I, будучи сам малообразованным в области наук, прекрасно видел, особенно во время своих заграничных поездок, серьезное отставание России в сфере культуры, образования, изучения современных (для начала XVIII века) наук, военном деле, технике. Поэтому целью его реформ и было сокращение этого отставания всеми доступными для этого времени способами, прежде всего, повышением податей. Однако Петр понимал, что бесконечное выжимание налогов с населения может плохо закончиться, возможно он исходил и из христианских гуманных соображений. Во всяком случае, как писала Л.И. Зайцева: «Мысль о том, что абсолютное государство признано направлять и контролировать жизнь подданных ради всенародной пользы, что «благо» крестьянина и посадского столь дорого самодержавию, как и благо дворян, в указах повторяется неоднократно» [3, с. 426].

Реформируя все сферы жизни своей страны, Петр I не мог не обратить внимание на состояние общественного призрения или благотворительности.

Между этими понятиями долгое время ставили знак равенства. Русский исследователь благотворения М. Соколовский писал, что древнерусскую благотворительность можно охарактеризовать такими же выражениями, в каких английский писатель XVII века Фуллер в своей Church History (1656) отзывается о средневековых аббатствах: «Их гостеприимство было ложным милосердием, они кормили тех бедных, которых они сами же создавали». И далее Соколовский продолжает свою оценку социального, типичного для Европы явления. «Петру Великому осталось тяжелое наследство: сильно распространенное нищенство, что признается почти поголовно всеми исследователями древнерусского быта и неправильно поставленная благотворительность развивается лишь в одном направлении» [4, с. 15]. Сложно вдаваться в моральное оценивание и сравнение западноевропейских аббатств и деятельность русской православной церкви в поддержке бедных слоев населения, но говорить о ложном милосердии нельзя. В чем явно прав М. Соколовский, милостыня долгое время была главной формой благотворительности во всех христианских конфессиях, и она опиралась на известное евангельское изречение Иисуса Христа «Всякому просящему дай». Подающий милостыню не должен был разбираться, кто перед ним и почему просит. Поэтому «слепая» раздача милостыни вскормила целый класс нищих, многие из которых не умели, да и не хотели работать.

В России, кроме профессиональных нищих, было много других категорий, которые не могли обеспечить себя самым необходимым даже на элементарном уровне. Это сироты, вдовы, старики, инвалиды. Царю-реформатору досталось «по наследству» и эта проблема бедности, которую необходимо было попытаться хотя бы смягчить, что в условиях широкомасштабных изменений в стране было сделать не просто: на все нужны средства. Со времен князя Владимира (крестителя Руси) обязанность призывать убогих, сирых, дряхлых была возложена на русскую православную церковь, и она по мере своих материальных возможностей пыталась решить эту воистину экзистенциальную задачу. Однако не в ее силах было бороться с причинами бедности и воспроизводства различных категорий обездоленного населения.

Важен вопрос, от решения которого в условиях очень ограниченных ресурсов зависело многое, — что из себя представляла русская православная церковь при Петре I и ее кадровый потенциал, прежде всего, приходские священники, которые и работали в глубинах народной жизни. Русский мыслитель начала XVIII века И.Т. Посошков в «Книге о скудости и богатстве» рассуждает о «слабости поповского дела» в России и анализирует причины бедственного положения священников. Он сообщает факты, которые были типичными для своего времени. «А у коих церквей по одному попу. То чаю, и во весь год обеден десятка другова не отслужит, понеже аще пашню ему не пахать, то голодну быть» [5, с. 37]. Иначе говоря, священники, чтобы прокормить свои семьи, вынуждены были заниматься земледелием и отвлекались от выполнения своих прямых обязанностей. Посошков говорит

и о невежестве попов: «...что же может рещи (сказать) сельский поп, иже веры христианской, на чем основана, не ведает» [5, с. 22]. Отсюда и небрежное отношение священников к своим обязанностям, что вело к запустению церквей — «...в недельный день человек двух-трех настоящих прихожан не обреталось» [5, с. 21].

По мнению Посошкова, если священники «будут несмыслены, то и люди паствы его несмыслены будут, а аще презвитеры будут благоразумны и святы, то и люди паствы его все будут вразумительны и к святости близки» [5, с. 39]. Для исправления ситуации земли, которые пахали попы и причетники, сдать «в наймы, а на полученные деньги строить церковные строения и нищим больницы» [5, с. 36].

Но это всего лишь предложение, реальное положение священников только ухудшалось. Историк С.М. Соловьев сообщает о наложении податей на служителей церкви — «...начали брать у нас с бань, с пчел, с изб деньги, этого наши прадеды и отцы не знали и не слышали, никак в нашем царстве государя нет!» [6, с. 342]. Отсюда и слухи о царе антихристе, но не только... Объективности ради отметим, что Петр I пытался поднять уровень образования духовенства. Соловьев приводит выдержку из указа Петра (январь 1708 г.): «Поповым и дьяконовым детям учиться в школах греческих и латинских, а которые из них учиться здесь не захотят, таких в попы и дьяконы не посвящать. В подьячие и никуда не принимать, кроме служилого чина» [6, с. 335]. Помимо «армии» священников Россия располагала обширными монастырскими владениями. Петр I, как мы увидим в дальнейшем, использовал их для нужд призрения различных категорий населения.

Кроме русской православной церкви благотворительную функцию выполняли и государственные учреждения, созданные еще в XVII веке. Это Патриарший приказ (1620), осуществлял контроль за деятельностью богаделен и сиротских домов. Этим заведениям доставались в основном остатки от монастырских и патриарших доходов. Аптекарский приказ (1632) ведал вопросами оказания врачебной помощи. Деятельность этих заведений продолжалась и в правление Петра I — в эпоху быстрых изменений.

Трансформации невозможны без обновления системы управления. Указы Петра носили скорее импульсивный характер, это была реакция на ситуацию, которая менялась очень медленно. Тем не менее, цель была очевидной, — говоря современным языком, царь стремился оптимизировать систему призрения при минимальных затратах казенных денег. Однако, несмотря на все старания с опорой на сильный механизм властного контроля, включая доносы, новации в сфере поддержки бедных слоев населения приживались с трудом. Об этом свидетельствует указ № 3510 от 9 февраля 1720 года «О наказании за преступления против опубликованных указов». В тексте документа говорится: «... надлежит всякому поступать по указам и хранить оные, и чтоб впредь никто неведением не отговаривался» [7, с. 127]. В этом же документе речь идет о наказании за невыполнение указов вплоть

до смертной казни. Но, несмотря на угрозы, решения не выполнялись, либо выполнялись не в полном объеме, о чем свидетельствует указ о сиротах № 1720 от 1 февраля того же года.

Тем не менее, указы в сфере призрения продолжали выходить или были на этот счет установки в более крупных документах. Так в январе 1721 года был опубликован Регламент или Устав Главного магистрата. Глава XX «О пухтгаузах» (или смирительных домах) и госпиталях (или больницах) посвящена решению социальных проблем. Дома смирительные создавались для ленивых здоровых, нищих и гуляк. «А госпитали были ради призрения сирых, убогих, больных и увечных и для самых престарелых людей обоего пола» [7, с. 1302]. Однако, магистратам предлагалось найти средства на строительство госпиталей и на пропитание оных людей. Но магистраты средства могли и не найти, что ставило выполнение этого указа под сомнение.

В сенатском указе от 23 октября 1723 года речь идет о жизнеустройстве двух категорий нуждающихся — стариках и детях. «Слепых, дряхлых, увечных и престарелых, которые ни в чем работать не могут ...тех отдавать в богадельни» [8, с. 139] (в подтверждении указов 1712 года и 1718 года). Детей-сирот, которые не помнили «чьи они были», отдавали в матросы (кто старше 10 лет) либо в богадельни, откуда их желающие могли взять на воспитание.

Впрочем, для стариков и детей Петр нашел еще один способ жизнеустройства, — это монастыри. В майском указе 1724 года явно просматриваются этицистские тенденции, желание поставить под контроль государства церкви и использовать для нужд призрения готовую инфраструктуру монастырских владений. В этом указе «О распределении доходов монастырских на разные расходы» интересны указания по поводу детей-сирот. Их необходимо было обучать грамоте, арифметике, геометрии и содержать в чистоте. Были определены конкретные монастыри для нужд призрения. Монастыри для больных, старых и увечных — Вознесенский и Чудова, а для сирот — Новодевичий, для школ — монастырь, который определяют из Синода [8, с. 291].

Таковы некоторые указы Петра в сфере призрения. Несмотря на некоторую импульсивность, они, как мы видим, повторялись, что свидетельствует о желании царя-реформатора улучшить положение таких категорий населения, как дети-сироты, старики, вдовы, инвалиды того времени, ветераны Северной войны, и оказывать им помощь в более цивилизованных формах. В Западной Европе к тому времени был уже накоплен определенный опыт благотворительной помощи населению, о чем Петр I не мог не знать в свое время, путешествуя по Европе, да и в окружении царя было много иностранцев. Однако, создать централизованную, функциональную систему общественного призрения ему не удалось. Возможно, такая цель и не ставилась, и социокультурных условий для появления такой системы просто не было. Существовал конгломерат заведений, между собой слабо связанных, либо не связанных вообще.

Как отмечалось выше, попытки создать централизованные органы общественного призрения предпринимались уже в XVII веке. В царствование Петра I продолжали действовать патриарший и монастырский приказы, в 1721 году их сменил Святейший Синод, а в 1724-м — камер-контора. Однако деятельность этих органов, похоже, в географическом плане, охватывала в основном столицы и их окрестности. Провинции, особенно Сибирь, жили своей жизнью с традиционными формами поддержки маргинальных слоев населения, — милостыней и кормлением, а главным субъектом призрения оставалась русская православная церковь.

* * *

После смерти царя-реформатора в 1725 году, в царствование Екатерины I (1725–1727), Петра II (1727–1730) указы, посвященные сфере призрения, практически исчезли. Во время правления Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны (1731–1761) интерес к благотворительности повышается, однако в системе управления общественного призрения ничего принципиально нового не появляется, — скорее это было некой инерцией петровских времен с небольшой новизной, о которой будет сказано ниже.

С приходом к власти Екатерины II в октябре 1762 года ситуация стала меняться к лучшему, но далеко не сразу. Несомненно, образованность и знание европейского опыта в сфере благотворительности оказали большое влияние на реформирование и дальнейшее развитие системы управления общественным призрением. Однако в первые годы правления Екатерины серьезных изменений в системе управления не было. Правда, были открыты воспитательные дома в Москве (1764) и Санкт-Петербурге (1770), но это серьезное реформирование только сферы призрения детей-сирот. В целом же следовали отдельные указы, направленные на оказание благотворительной помощи очень разным слоям нуждающихся. Так 26 февраля 1764 года вышел именной указ, данный Сенату: «О разделении духовных имений и о сборе со всех Архиерейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души по 1 рублю 50 копеек, с приложением манифеста о подведомстве всех Архиерейских и монастырских крестьян Коллегии Экономии и штрафов по духовной части». Речь идет о финансировании сферы призрения. Говорится о годовой сумме от Коллегии Экономии на пенсии офицерам, на инвалидов, на госпитали, богадельни «...и на многие по смерти временные дачи, також де вдовам и сиротам и всего более 250 тысяч рублей в год и тому назначили...» [9, с. 553].

В царствование Екатерины получили свое развитие общественные работы, правда, в связи с печальными событиями, — в Москве в 1771 году случилась эпидемия моровой язвы и, как реакция на это событие 26 октября того же года, вышел царский указ «О доставлении средств к пропитанию простому народу, лишившемуся оного по случаю прилипчивой в Москве болезни» [10, с. 556]. В документе было сказано, что правительство из-за эпидемии

подает «претерпевающему нужду руку помощи» и, чтобы не было в народе праздности, предлагает желающим работу по углублению окружающего Москову Камер-Коллежского вала. Предполагалось платить за работу мужчинам 15 копеек, женщинам — 10 копеек в день. Контроль за работой возлагался на генерал-поручика, сенатора и кавалера А.П. Мельгунова [10, с. 557].

Однако по мере укрепления императорской власти и дальнейшей централизации системы управления созрела необходимость в унификации общественного призрения. На смену «верхушечному» управлению приходит логически более стройная, географически широкая и централизованная система Приказов Общественного призрения. 7 ноября 1775 года был опубликован эпохальный для своего времени документ «Учреждение для управления Губерний Всероссийской империи» [11, с. 229]. В преамбуле была обозначена цель документа: «Производить новый опыт к удостоверению наших вернолюбезных подданных, сколь наполнены Мы человеколюбивым призрением к народу и горячим попечением о общем благе и добром устройстве» [11, с. 231]. В каждом наместничестве или губернии учреждались по одному приказу под названием приказ общественного призрения. В документе были четко обозначены объекты, которые обязан был контролировать приказ общественного призрения. Это такие заведения, как народные школы, сиротские дома, госпитали и больницы, богадельни, особые дома для неизлечимых больных, дома для сумасшедших, работные дома обоюго пола, «надзирания» за смирительными домами для обоюго же пола людей [11, с. 271].

Приказы общественного призрения имели право на инициативу в рамках своих компетенций. «Приказ Общественного призрения по единому подвигу благотворительных дел ему вверенных, посылает предложения к Дворянским предводителям, в Уездные Суды, Дворянские Опеки» [11, с. 293]. Примечательно, что в этом фрагменте документа фактически ставится знак равенства между государственным призрением и благотворительностью. Таким было понимание, восприятие тех понятий вплоть до начала XX века.

Авторы документа, имеющего нормативное значение, прекрасно понимали, что без стабильного финансирования задачи приказа общественного призрения в принципе невыполнимы. Поэтому на каждую губернию выделялось 15 тысяч рублей. Дозволялось вкладывать деньги в Дворянский банк под проценты, принимать «доброхотные даяния», доходы от аптек, которые также шли на опекаемые приказами учреждения. Оговаривалось, чтобы деньги тратились на пользу, чтобы не было злоупотреблений, то есть подразумевался строгий учет всех поступавших средств [11, с. 275]. Поощрялось и открытие новых благотворительных заведений частными лицами или обществами. Приказ общественного призрения не должен был создавать препятствий для их открытия.

Стремление к развитию системы общественного призрения отразилось и в «Городовом положении» 1785 года, в котором содержится установка

на «приращение городских доходов на пользу города и для распространения заведений по Приказу Общественного Призрения» [12, с. 383].

На практике первый приказ — Новгородский — был открыт в 1776 году, затем — в 1778 году — начал свою деятельность и Тверской. В царствование Екатерины II приказы были открыты в 40 губерниях из 50 [13, с. 45]. М. Соколовский в новой системе управления общественной благотворительности отмечал следующие достоинства: гуманизм, стройность, отсутствие централизации, чтобы была соревновательность «одних губернских властей с другими». Однако он же отмечал бюрократизм и любительство [13, с. 42].

Итак, в царствование Екатерины II складывается единая система общественного призрения со смешанным финансированием. Помимо поступления казенных средств, приказы могли зарабатывать и самостоятельно. Так в именном указе, данным главнокомандующему в Москве графу Якову Брюсу перечисляются дополнительные способы финансирования: постройка кирпичного завода для Приказа общественного призрения, «чтобы зарабатывал деньги», получение средств от аукционных продаж, доходов от торговых бань [14, с. 416]. От населения принимались и пожертвования.

В дальнейшем значительную роль в развитии общественного призрения, его организации, суждено было сыграть жене Павла I и матери двух императоров императрице Марии Федоровне. Именным указом от 2 мая 1797 года «О принятии главного начальства над воспитательными домами в обеих Столицах Императрицы Марии Федоровны» [15, с. 604], она была назначена на шефство не только над воспитательными домами, но и в целом над призрением детей-сирот. Уже в начале XIX века под ее руководством формируется огромная структура, получившая после смерти императрицы название «Ведомство учреждений Императрицы Марии Федоровны». В дальнейшем оно занималось не только призрением детей-сирот и функционально пересекалось с Приказами общественного призрения.

Итак, XVIII век продолжил эти статистические тенденции предыдущей эпохи, тогда еще достаточно слабые. Особенно интенсивно они проявились во время правления Екатерины II. Существенный прорыв был сделан в сфере общественного призрения детей-сирот, ветеранов войн, престарелых. Изменения, осуществленные в системе управления во второй половине XVIII века, заложили основы для дальнейших преобразований в сфере социальной поддержки населения в начале XIX века, что отразилось, прежде всего, в деятельности императрицы Марии Федоровны и Александра I.

Список литературы

1. Дерлугьян Г. Была ли Российская империя колониальной? // Международная жизнь. 1991. № 2.
2. Вейдле В.В. Россия и Запад // Вопросы философии. 1991. № 10.
3. Зайцева Л.И. Иван Тихонович Посошков о благоустройстве русской жизни и России Петра Первого. М.: Институт Экономики РАН, 2010.

4. Соколовский М.К. Петр Великий как благотворитель // Вестник благотворительности. 1901. № 7, 8.
5. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. Санкт-Петербург: Наука, 2004.
6. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 8. Т. 15–16.
7. Полное собрание законов Российской империи. 1720. Т. 6.
8. Полное собрание законов Российской империи. 1723. Т. 7.
9. Полное собрание законов Российской империи. 1764. Т. 16.
10. Полное собрание законов Российской империи. 1771. Т. 19.
11. Полное собрание законов Российской империи. 1775. Т. 20.
12. Полное собрание законов Российской империи. 1785. Т. 22.
13. Соколовский М.К. Екатерина Великая как благотворитель // Вестник благотворительности. 1902. № 1.
14. Полное собрание законов Российской империи. 1785. Т. 22.
15. Полное собрание законов Российской империи. 1797. Т. 24.